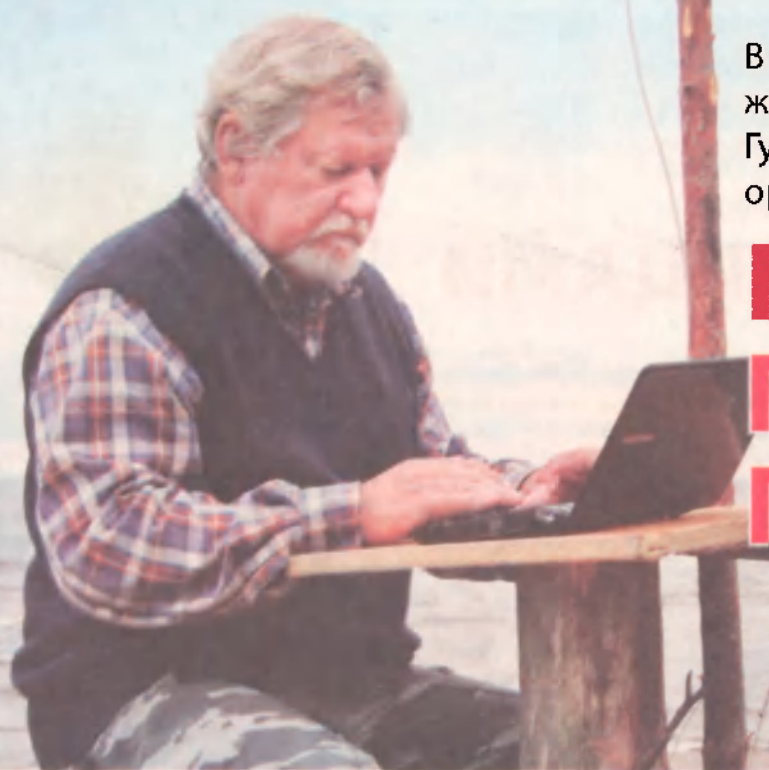

→ Мне было лет десять-двенадцать, когда на берегу Онежского озера я нашла мертвую чайку. На лапке заметила металлическое колечко. Стало любопытно. Чтобы его снять, лапку пришлось отрезать. На колечке был выгравирован номер и написано «London» и что-то еще, уже не помню. Я похвасталась находкой учительнице биологии, та переписала с кольца все данные и отправила в Петрозаводск в Институт биологии. Сказала, это важно. Когда через несколько месяцев я получила из Москвы письмо с благодарностью, очень удивилась. Так я впервые узнала, что существуют орнитологи. Правда, чем они конкретно занимаются и главное зачем, стало понятно только сейчас, после поездки на карельскую орнитологическую станцию «Маячино».

В разгар миграции птиц журналист «Карельской Губернии» побывала на орнитологической станции

ГДЕ ВЫДАЮТ ПТИЧЬИ ПАСПОРТА

Станция находится в Олонецком районе в урочище Маячино на берегу Ладоги. Расположение выбрано неслучайно: через южную Карелию в период миграции пролетают около 200 видов птиц. Попадают даже очень редкие: синехвостка, овсянка-ремез, пеночки... Вообще, вся Олонецкая равнина в целом – какая-то миграционная стоянка. Кого тут только не встретишь, от гусей до журавлей!

Мы едем на станцию с орнитологом, доктором биологических наук, ведущим научным сотрудником Института биологии Карельского научного центра РАН Николаем Лапшиным. Он заворачивает к одному из полей и замедляет ход.

– Смотрите: журавли! – указывает ученый на поле. – Только из машины не выходите – спугнете.

Прилипаю к окну: и правда журавли! В Карелии! Медленно, рядом, прохаживаются по полю. Фотограф высовывает в окно камеру, и осторожные птицы тут же взмывают ввысь.

– Они прилетают с карельских болот готовиться к перелету в Африку, – рассказывает Лапшин. – Кормятся, накапливают жир. Мы ездим с подозрительной трубой и их считаем... А весной здесь тысячи гусей. Прямо кишат. На сельскохозяйственных Олонецкой равнины каждую весну формируется одна из самых крупных в северной Европе предмиграционная стоянка Гусеобразных птиц.

РОБИНЗОНЫ

Место наблюдения за птицами оборудовали в семьдесят девятом: привезли вагончики, сделали небольшие деревянные домики. В одном вагончике оборудовали полевую лабораторию – здесь птиц колышут. В деревянном домике живут ученые: тут комнатка и кухня. Электричества нет: экономят. Отопление – печное. Баня – по-черному, душ – по-робинзоновски. Четыре колышка обтянуты покрывалом, внутри висит резиновая «грелка», наполненная водой. За день она нагревается, можно открывать клапан и мыться тепленькой.

Больше всего поражает рабочее место Лапшина. Почти на берегу Ладоги, на песочке, открытый всем ветрам, стоит высокий столик со скамеечкой. К столику приколочена длинная палка.

– Это мой «офис», – смеется Лапшин. – Здесь единственное место, где есть Интернет. Я на столик ноутбук ставлю, модем на палку вешаю и работаю.

Николай Лапшин – один из самых самых старших карельских орнитологов. Помимо него в Институте биологии есть еще четыре человека. И все.

– Орнитологов не хватает. Объем нашей работы рассчитан на гораздо большее количество людей, – рассказывает доктор наук. – Нет ставок, люди не идут учиться. Ну и сама работа, в общем, в России не всегда достойно ценится. Были времена, когда научная работа осуществлялась в значительной степени за счет иностранных грантов. Так, например, мы привели в порядок поля, где скапливаются гуси: обработали землю, вырубili кусты, заса-

дили травами – чтобы птицы могли нормально питаться.

На станции орнитологи работают с мая по октябрь. Дежурят вахтовым методом – дней по десять. *(На этой неделе Лапшину приехала помогать дочь Аня, а так он со всем справляется один. – Прим. авт.)* К спартанским условиям ученые привыкли. Это нам, городским, неудобно на старых кроватях под полусгнившими одеялами. Это мы мерзнем без отопления и боимся идти ночью в туалет через лес. А орнитологам нормально.

ПТИЦА-ПРОВОКАТОР

По периметру установлены 16 сетей-ловушек. Ловушка работает просто: птица летит, врывается в нейлоновую сеть и падает в «карман». Оттуда ей уже без помощи орнитолога не выбраться. Подходим к ловушкам – ни одной пичужки, попался только шмель.

– Сейчас еще не время, – поясняет Лапшин, распуская яростно жужжащего шмеля. – Основной «улов» у нас рано утром. Бывает, две-три птицы попадутся, а бывает – и несколько сотен. Утром вас разбуджу – пойдем смотреть.

Рядом с сетками замечаю большие ржавые покосившиеся клетки. Дверцы открыты – дерево прогнило.

– Здесь раньше жили птицы-провокаторы, – поясняет ученый. – Это такие крикливые птицы женского пола. Как среди женщин есть особенно скандальные особы – так и среди пернатых. Они просто так кричат все время – характер такой. Мы их специально находили и тут держали. Начнет такая, скажем, дамочка-чиж кричать, и все самцы тут же слетаются. И попадают в сеть.

Нынче птиц-провокаторов содержать хлопотно – слишком мало людей. Из сарайчика орнитолог выкатывает странное оборудование: деревянный чемодан с ручкой, сбоку у которого солнечные батареи. Наклоняется к чемодану и включает вставленную в него магнитоу. Аппарат начинает петь по-птичьи: играет

кассета с записью трелей. Специально ходили по лесу, записывали.

– Солнечные батареи небольшие, но хватает. Внутри чемодана – аккумулятор. Это чудо техники коллега наш изобрел. На запись птицы тоже ведутся. Хотя птицу-провокатора ею не заменишь.

КОМПАС В ГЛАЗУ

Основная обязанность орнитолога даже не кольцевать, а наблюдать. За годы работы Лапшин узнал о птицах все и может ответить на любой вопрос.

Миграция идет круглый год – у каждой птицы свое время для отлета. Карельские птахи, как правило, улетают раньше, чем более северные *(например, мурманские)* – чтобы освободить для них место. Все в природе продумано.

Что меня больше всего волнует – так это как птица определяет, куда ей нужно лететь? У нее что, в голове компас? Оказывается, что-то вроде того. Для ориентации в пространстве птицы используют магнитное поле Земли, астроориентиры *(ночные или дневные светила)*. Биологический компас спрятан у них в сетчатке глаза. Учитывают они и положение солнца, звезд, лесов.

– На самом деле предположений о том, как птица находит дорогу к месту зимовки и обрат-

✎ Лапшин воспитывает чеглока

но, гораздо больше, чем научно обоснованных теорий, – говорит Лапшин. – Поражает, что, если птицы по какой-то причине отклоняются от основного курса, потом они вносят поправку на «снос». То есть им присущи и навигационные способности!

Во время перелета многие птицы гибнут: не хватает сил добраться до далекой Африки или Южной Азии. Летят бросками: перелет, короткая остановка, снова перелет. Крупным птицам легче – они более выносливые. Но и у маленьких есть свои преимущества.

– Их часто несет попутный ветер. Я, когда за ними наблюдал на фоне диска луны, видел, как некоторые в потоках ветра летят хвостом вперед, – смеется орнитолог.

Вообще, откуда и даже куда летит конкретная зарянка, не знает никто. Именно поэтому орнитологи птичек и кольцуют: чтобы выяснить, где птица собирается зимовать, выводить потомство, где наиболее благоприятная для нее среда.

С потомством, кстати, тоже интересно. Крупные птицы, например, беркуты, пары создают только на время гнездования. Выполнили супружеские обязанности, птенцов вывели и разлетелись кто куда. А вот у лебедей и гусей отношения крепкие. Помните песню, в которой охотник застрелил подругу лебедя и тот с горя камнем кинулся вниз погибать? Это почти не выдумка. Лебеди пары создают раз и навсегда. И, если один погиб, маловероятно, что второй скоро найдет замену.

– Хотя, знаете, – прерывает рассказ орнитолог, – как наблюдатель могу сказать: у лебедей тоже бывают измены. Видели.

А вот рассказ Мамина-Сибиряка «Серая шейка» – чистая выдумка. В смысле, перезимовать в лесу утка не сможет – умрет. На зиму остаются единицы: дятлы, синицы, снегири.

– А как же зимующие на Лососинке утки? – спрашиваю.

– Утки, которые здесь остаются, – это искусственно созданная городская популяция. Эти да, перезимовать с людской помощью способны. А лесным никак самим не справиться.

ПТИЧИЙ ГРИПП

Рассказы орнитолога о птицах интересны. Сидим, открыв рты. И все-таки... зачем? Для чего знать, откуда и куда летит зяблик? Какая разница, сколько жира он накопил и где собирается вить гнездо? Для чего считать и кольцевать птиц в таких вот походных условиях? Летали бы себе спокойно с севера на юг и обратно. Чего вмешиваться-то?

– Во-первых, – отвечает ученый, – знания об окружающем мире еще никому не мешали. А, во-вторых, помните, как все всполошились, когда начался «птичий» грипп? О нас сразу все вспомнили. Прилетает к нам, например, птичка какая заразная. И мы, зная, откуда и куда она летит, можем предупредить об опасности. Помимо «птичьего» гриппа, есть ведь и другие вирусные заболевания.

ОКОЛЬЦЕВАЛИ...

Следующим утром Лапшин забегает к нам в комнату с криком: «Птицы! Много!» Подскакиваем и несемся к ловушкам. Две зарядки,

два дрозда, горихвостка. Висят в сетках и не шевелятся. Ловкими движениями орнитолог освобождает птичек. Кладет в мешочки и несет в лабораторию – выдавать паспорт. (*Кольцо – это птичий «паспорт» на всю жизнь. – Прим. авт.*)

В лаборатории-вагончике на столе весы для драгоценных металлов с приделанной к ним бумажной воронкой. В окне – ящик-туннель, чтобы выпускать птиц на волю. Журналы, в которые записывают номер и серию кольца, вид, пол, возраст, вес, данные о линьке, накопленном жире и т. д. И много-много колец разного диаметра. (*Российский Центр кольцевания кольца закупает в Польше. Наши плохого качества, портятся при соприкосновении с водой. – Прим. авт.*) Лапшин, осторожно зажимая голову зарядки между пальцами, говорит, что неопытные руки птичку могут задавить. Слишком она хрупкая. Сам же он вертит зарядку в руках с такой скоростью, что мне за нее страшно. Но она не пищит и даже не шевелится – не больно, значит. Когда сделаны все замеры и надето кольцо, птицу погружают вниз головой в кулек на весах. Торчат одни лапки. Вес зафиксирован, можно лететь. В среднем процесс кольцевания одной птахи занимает минуты две.

За свою жизнь Лапшин окольцевал более 100 тысяч птиц. Говорит, в прежние годы при работе на соседней орнитологической станции Санкт-Петербургского университета иногда бывало в день до восьмисот штук – только и бегаешь от лаборатории к ловушкам и обратно. К обеденному времени уже никакой. А перерыв не сделать – птичка в ловушке долго не протянет.

Вообще, кольцевание делается в расчете на возврат. То есть поймают африканские, скажем, орнитологи, птичку, на колечке которой написано «Moscow», и передадут данные в Россию. Но, увы, возвратов немного: кто-то не долетает, кто-то не попадает. Аборигены не чураются использовать кольца орнитологов в качестве украшений. А иногда бывает так, что одна и та же птица каждый год в ловушку попадает. Но это тоже редкость. Потому-то мне и пришло благодарственное письмо – ценные были данные.

✎ Дочь Лапшина Аня готовит обед

Напоследок спрашиваю Лапшина, какая у него любимая птичка.

– Пеночка-весничка, – говорит. – Я по ней даже кандидатскую диссертацию писал.

Просим показать фото этой, как мы думаем, красавицы. Лапшин открывает книгу и с гордостью тычет пальцем в малюсенькую зеленоватую пичужку.

– Чем, – спрашиваю, – она вам нравится-то?

– Ничего вы не понимаете, – обижается ученый. – У пеночки – две полных линьки в году! Еще у нее дивительные механизмы адаптации к условиям обитания.

Переглядываемся. Ну раз две полных линьки, то конечно. Да. Это, безусловно, всё объясняет.

P.S. Редакция «Карельской Губернии» благодарит Николая Лапшина и его дочь Аню за теплый прием, интересные рассказы и вкусные обеды.